

11. Каракаев Ю. И. Особенности крымско-ногайского диалекта (на материале В. В. Радлова) // Проблемы исторической лексики карачаево-балкарского и ногайского языков. – Черкесск, 1993. – С. 150-165.

12. Каракаев Ю. И. Современный ногайский язык. (Краткий очерк истории и грамматики): Учебное пособие – Карачаевск: Изд-во КЧГПУ, 2001. – 63 с.

13. Каракаев Ю. И. К вопросу о собственно-ногайском диалекте ногайского языка // Актуальные проблемы современного образования в условиях двуязычия: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. / Под ред. Р. П. Бибиловой. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2013 – С. 54-56.

14. Милых М. К. Очерки по ногайскому синтаксису // Ученые записки Ростовского пединститута. – Таганрог, 1947. – Т. 5. Вып. 5.

УДК 811.511.151, 81'37

Е. В. Кашкин, г. Москва

СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ ЗАКРЫВАНИЯ В ВОСТОЧНЫХ ГОВОРАХ ГОРНОМАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Исследование поддержано грантом РФФИ № 17-04-18036е.

В работе рассматривается семантика глаголов закрывания в восточных говорах горномарийского языка. Обсуждаются основные семантические оппозиции.

Ключевые слова: уральские языки, горномарийский язык, лексическая типология, глаголы закрывания.

THE SEMANTICS OF CLOSURE VERBS IN THE EASTERN LOCAL SUBDIALECTS OF HILL MARI. *This article deals with the semantics of Hill Mari verbs which describe the events of closing. The author discusses the basic semantic oppositions in this domain. The research lies within a broader typological project.*

Keywords: Uralic languages, Hill Mari, lexical typology, closure verbs.

Работа посвящена семантике глаголов закрывания в восточных говорах горномарийского языка (с. Кузнецово, д. Апшак-Пеляк, д. Кукшилиды, д. Паулкино, д. Тюманово). Материал собран в ходе полевой работы в 2016-2017 гг. Исследование вписано в типологический проект, рассматривающий также данные русского, польского, английского, шведского, коми и хантыйского языков (о первых результатах см. [Кашкин и др. (в печати)], языковую выборку в дальнейшем планируется расширить). Тем самым, горномарийские диалектные данные рассматриваются не изолированно, а в сопоставлении с имеющимися сведениями о межъязыковом варьировании исследуемого поля.

Под глаголами закрывания понимаются глаголы, описывающие прекращение доступа к статичному объекту путем создания преграды (ср. рус. *закрывать, запереть, заслонить, накрыть*). В типологическом проекте также рассматривается антонимичная зона глаголов открывания (ср. рус. *открыть, отпереть*), в настоящей статье не обсуждаемая. Теоретической базой служит фреймовый подход к лексической типологии, в рамках которого семантика лексем сопоставляется на основе их сочетаемостного анализа, выделяющего основные классы ситуаций (фреймов), см. [Рахилина, Резникова 2013].

1. Глаголы *čüčäš* и *pitäräš*: «плотность» закрывания

Ключевое противопоставление в зоне закрывания связано с глаголами *čüčäš* и *pitäräš*, которые мы и рассмотрим на примере нескольких фреймов. Центральным фреймом является закрывание **створок, ограничивающих пространство в строении** (например, двери, ворот, окна). В таких контекстах возможны глаголы *čüčäš* и *pitäräš*, а также глагол *sâralaš*. Последний словообразовательно связан с существительным *sâravač* ‘замок’ и означает ‘закрывать на замок’: *amasam sâralâ* ‘закрой дверь на замок’. Между глаголами *čüčäš* и *pitäräš* носители языка часто не проводят различий, допуская в упомянутом классе контекстов употребление их обоих. Оба глагола совместимы как с инструментальным участником, так и с его отсутствием, и, тем самым, не противопоставлены однозначно в

терминах аргументной структуры, ср.: *ädär sêravač dono amasam čüčä / pitäräš* ‘девочка на замок закрыла дверь’; *püergä piš s’ilan amasam pitären šänden / čüčän šänden* ‘мужик с силой захлопнул дверь’. В то же время, за этими лексемами стоят разные прототипические сценарии. Глагол *pitäräš* предполагает более плотное закрытие, часто связанное с устранением возможности доступа в закрываемое пространство: *män’ kapkam pitäräšäm, äräkä jüšävlä pären änzäštä kerdep* ‘я ворота закрыла (подперев палкой), чтобы пьяные не могли зайти’. Глагол *čüčäš* является доминантной лексемой поля, но без эксплицитного указания Инструмента приобретает дефолтную семантику менее плотного закрытия с возможностью свободной отмены результата. Так, в следующем примере речь идет о закрытии ворот на щеколду, которую легко открыть снаружи, или вовсе без запирающего устройства: *kapkam čüčäm gän’, äräkä jüšä pären kerdeš* ‘если ворота просто прикрыла, пьяный может зайти’. Заметим также, что по отношению к шторам и занавескам, которые типично закрываются менее плотно, предпочтителен именно глагол *čüčäš*: *uže päckemäš, čüč / ?pitärä štoräm* ‘уже темно, закрой шторы’.

Рассматриваемые глаголы развивают метонимические сдвиги, объектом при этом становится название закрываемого пространства (*män’ lapkaškä kešäm, tomaem sêraläšäm / pitäräšäm / čüčäm* ‘я пошла в магазин, дом закрыла’) либо находящегося в нем участника. В последнем случае объектом может быть одушевленное существительное, тогда как при неодушевленных объектах используются не глаголы закрывания, а глагол *kodaš* ‘оставить’, ср.: *män’ tan’am pörteš pitäräšäm / čüčäm* ‘я закрыл Таню в доме’ vs. *män’ mešäkäm komnateš kodenäm / *pitärenäm / *čüčänäm* ‘я оставил мешок в комнате’.

К объектам с **закрываемой функциональной средней частью** (например, к книге или газете) применяется глагол *čüčäš* и, как правило, не применяется глагол *pitäräš*: *ärvezä kn’igäm čüčä / ??pitäräš, amalaš vazê* ‘мальчик закрыл книгу, лег спать’. Это коррелирует с обозначенными выше прототипами употребления данных лексем: в контексте книги результат закрывания может быть легко отменен, что, по-видимому, плохо совместимо с семантикой глагола *pitäräš*. Заметим, что здесь употребление горномарийских лексем, по-видимому, расходится с их лугово-марийскими когнатами, ср. пример *книгам петыраш* ‘закрыть книгу’ в [Словарь марийского языка].

К закрыванию **механизмов** применяются оба базовых глагола: *kranäm pitärä / čüč, a to väd takeš joga* ‘закрой кран, а то вода просто так течет’. В то же время, семантика прекращения функционирования (тоже связанного с большей степенью устранения доступа) выражается в первую очередь глаголом *pitäräš*: *sant’exn’ikvlä rovojajaš tolänät dä kranäm pitärenät / ?čüčänät* ‘сантехники пришли работать и кран перекрыли’.

Закрывание **контейнеров** (например, кастрюли, сумки) описывается дефолтно глаголом *čüčäš*: *čüč / ?pitärä sumkaedäm, a to iktäma läktän vazeš* ‘закрой сумку, а то что-нибудь выпадет’; *män’ kostr’ul’äm leväš dono čüčänäm / ?pitärenäm* ‘я накрыл кастрюлю крышкой’. В то же время, при более плотном закрытии, предполагающем бо́льшую сложность отмены результата, может использоваться (а иногда и оказывается предпочтительным) глагол *pitäräš*: *papam čüčän / pitären sündükäm* ‘бабушка закрыла сундук’; *mä teleš oxârecläm bankeš pitärenä / ?čüčänä* ‘Мы на зиму огурцы в банки закрываем’.

Особым образом в горномарийском языке категоризируется **закрывание глаз** (без дополнительного инструментального участника). Помимо глаголов с широкой семантикой, для него используется специальный глагол *kâmaš*: *ädäräš vazê dä sänzävläžäm kâmäš* ‘девочка легла и закрыла глаза’. Насколько можно судить по данным [Moisio, Saariinen 2008, 291], такая специализация сочетаемости устойчива и для соответствий глагола *kâmaš* в других марийских идиомах. При добавлении в ситуацию Инструмента глагол *kâmaš* невозможен: **kitsä dono sänzävläžäm kâmen* ‘закрыл глаза рукой’.

Помимо глагола *kâmaš*, закрывание глаз может быть описано более общим глаголом *čüčäš*, при этом глагол *pitäräš* дефолтно менее предпочтителен в этом контексте: *ädäräš čüčän / ?pitären sänzäm dä amalen ken* ‘девочка закрыла глаза и уснула’. Однако при маркированной плотности закрытия либо при невозможности отмены результата

используется, как и можно было ожидать, уже глагол *pitäräs: jargata tâl gâc mân' sänzâm cat pitärenâm / ?? çüčänâm* 'от яркого света я сильно зажмурил глаза'; *kolâšš edemlân sänzâm pitäräs / *çüčäs keleš* 'умершему человеку нужно закрыть глаза'.

Наконец, затыкание отверстий (тоже связанное с большой плотностью контакта между преградой и объектом) описывается глаголом *pitäräs: âražâm vatka dono pitäräsâm / *çüčäm* 'дырку ваткой закрыла'; *püergä stenâštâš šeläkâm pitären / *çüčän* 'мужчина заделал щель в стене'. В «обратном» контексте, когда отверстие является частью преграды, тоже используется глагол *pitäräs: ručkaedâm kolpačok dono pitärä / *çüč* 'закрой ручку колпачком'.

2. Глаголы *äräs, müdäs* и *levedäs*: внешняя преграда и заслонение от внешнего воздействия

Достаточно сложными типологически оказываются контексты **заслонения от внешнего воздействия** ('Туча заслонила солнце'; 'Закрыть лицо руками от летящего мячика' и др.). В горномарийском языке здесь используются глаголы *müdäs* и *äräs*. Часто эти лексемы взаимозаменяемы, ср. *pušängë pörtäm kečë gâc ärä / müdä* 'дерево заслоняет дом от солнца'; *širma don ärät / müdät nälšävlâm magaz'inäštâ vârgemâm visämä godâm* 'ширмой заслоняют покупателей во время примерки одежды в магазине'. Вместе с тем они фокусируются на разных типах и параметрах ситуаций. Так, ограждение в ситуации перемещения, как правило, описывается глаголом *äräs: oficer saltakâm pul'a gâc ären / ?? müden* 'офицер заслонил солдата от пули'; *gaišn'ikvlä kornâm ären šagalânât / *müden šagalânât* 'гаишники перекрыли дорогу'. Интересно в этой связи и первое значение глагола *äräs*, выделенное в [Саваткова 2008, 23] – 'задерживать, задержать, ловить, поймать, остановить кого-л.' – и связанное именно с идеей ограничения перемещения.

Кроме того, у глагола *äräs* часто развивается семантика защиты объекта от неблагоприятного воздействия (такой сдвиг отмечен в [Кашкин и др. (в печати)] и для некоторых других языков, например, для польского), ср. приведенные выше примеры, а также неадекватность этого глагола в таких контекстах, которые не предполагают потенциального неблагоприятного воздействия на закрываемый объект: *ambrazurâm äške kâpšë dono çüčän / *ären* 'амбразуру закрыл своим телом'. В то же время *äräs*, как и его типологические аналоги, не развивает семантику защиты в абстрактных контекстах – в них используется только глагол *peregäs* 'защищать': *püergä rod'inâm peregäsäšlâk / *äräsäšlâk* 'мужчина должен Родину защищать'.

Глагол *müdäs* выражает семантику полного закрытия объекта: *rokolmam pištâš dä rok dono müden šändäs / *ären šändäs* 'картошку положить (для посадки) и прикрыть землей'; *päl müden / ?? ären kečäm* 'туча закрыла солнце'. В следующем примере – *kükšë zabor pörtäm ärä* 'высокий забор огораживает дом' – замена глагола *äräs* на глагол *müdäs* возможна не для всех случаев. Те информанты, которые допускают подобную замену, комментируют субъект как «такой высокий забор, что даже дома не видно». Если же контекст не предполагает полного прекращения визуального доступа к объекту, то глагол *müdäs* не используется, ср.: *rokolma nâräm pičë ärä / *müdä* 'ограда огораживает картофельное поле'.

В зоне **контактного покрытия поверхности внешней преградой** ('накрыть ребенка одеялом', 'накрыть пироги полотенцем') конкурируют глаголы *levedäs* и *müdäs*. Выбор между ними определяется параметром полноты покрытия. Глагол *müdäs* предполагает полное покрытие поверхности преградой, тогда как глагол *levedäs* дефолтно интерпретируется как относящийся к неполному покрытию. Так, в следующем примере глагол *müdäs* оценивается носителями как семантически неадекватный, поскольку предполагает такую степень закрытия, при которой ребенок бы задохнулся: *ävä t'et'äžâm od'ejal don levedän / *müdän* 'мама накрыла ребенка одеялом'. С другой стороны, при акценте на полное покрытие менее приемлемым оказывается уже глагол *levedäs*: *ädärämäšän üpšë savâc lävec kajšašlâk agâl, savâcšâ üpâm müdäsäšlâk / levedäsäšlâk* 'волосы женщины из-под платка не должны быть видны, платок должен закрывать волосы'. Кроме

того, именно глагол *müädäš* в первую очередь описывает полное покрытие отверстия сверху: *sedärüštäšä äražäm alamner dono müädäšäm / 'levedäm* 'дырку в полу покрыла ковровой дорожкой'.

Заметим также, что в горномарийском языке нет засвидетельствованного в некоторых других языках противопоставления по гибкости преграды, ср. употребление далее того же глагола *levedäš*, что и по отношению к одеялу: *män' cävä pajäm ätä dono levedäm* 'я курицу (куриное мясо) накрыла блюдцем'.

3. Некоторые смежные контексты

Важными при рассмотрении поля закрывания оказываются контексты **изменения формы** складных объектов, поскольку типологически между лексемами двух этих семантических зон может возникать конкуренция, ср. синонимию словосочетаний *закрыть зонтик* и *сложить зонтик* в русском языке или использование одного и того же глагола *läp ponti* (преверб с семантикой закрытия + 'класть') в шурышкарском диалекте хантыйского языка, с одной стороны, по отношению к складным объектам (например, к перочинному ножу), с другой стороны, по отношению к закрыванию книги (последнее регулярно описывается, по имеющимся типологическим данным, так же, как, например, закрывание двери).

В горномарийском языке зоны закрывания и изменения формы оказываются разведены. Глаголы закрывания в большинстве идиолектов не применяются к складным объектам, которые, в свою очередь, требуют синонимичных глаголов *pogaš* и *postaraš*, означающих 'собирать' (например, ягоды, картошку): *jur juraš cärnen, i ädäräš zont'ikäm pogen* 'дождь закончился, и девочка закрыла зонтик'; *pökenäm postaren šänden, pišten mašinäškä* 'стул сложил, положил в машину'. В каких-либо из рассматриваемых в статье контекстов закрывания глаголы *pogaš* и *postaraš* невозможны, ср. в т. ч. пример о книге: *ädäräš kn'igäžäm čüčän / *pogen / *postaren* 'девочка закрыла книгу'.

В работе были проанализированы горномарийские (на материале восточных говоров) глаголы с семантикой закрывания: *čüčäš, pitäräš, šäralaš, kätmaš, müädäš, äräš, levedäš*.

Глагол *čüčäš* обладает наиболее широкой сочетаемостью и описывает закрытие преграды в строении (например, двери), объектов типа книги с функциональной средней частью, контейнеров, механизмов, глаз. Глагол *pitäräš* применяется к плотному закрытию, часто ограничивающему свободный доступ к объекту. Он используется в контекстах преграды в строении, создаваемой с помощью запирающего устройства, а также в контекстах закрывания механизмов и затыкания отверстий. Глагол *šäralaš* описывает закрывание преграды в строении с использованием запирающего устройства. Глагол *kätmaš* обозначает закрывание глаз. Глагол *müädäš* описывает полное заслонение объекта от зрительного восприятия, а также полное контактное покрытие поверхности преградой. Глагол *äräš* описывает заслонение объекта от зрительного восприятия и перемещения. Глагол *levedäš* используется в ситуациях контактного покрытия поверхности гибкой либо негибкой преградой (необязательно полного).

Типологически горномарийская система интересна в первую очередь противопоставлением по «плотности» закрывания между глаголами *čüčäš* и *pitäräš*, проявляемым в их сочетаниях с разными типами объектов. Любопытен и параметр полноты закрытия от внешнего доступа, релевантный для глаголов *müädäš* и *äräš*, а также сопутствующие предпочтения глаголов по типу доступа. Примечательна (но, по-видимому, не уникальна типологически) и особая категоризация закрывания глаз.

Литература

1. Кашкин Е. В., Жорник Д. О., Сидорова М. А. Типологические открытия в поле закрывания (опыт исследования семантики глаголов со значениями 'открыть' и 'закрыть') // *Acta Linguistica Petropolitana*, в печати.

2. Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // *Вопросы языкознания*. – № 2. – 2013. – С. 3–31.

3. Саваткова А. А. Словарь горномарийского языка. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2008. – 404 с.
4. Словарь марийского языка в 10 т. Гл. ред. И. С. Галкин. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ – 1990-2005. Электронная версия: www.marlamuter.org/muter/
5. Moisio A., Saarinen S. Tscheremissisches Wörterbuch / aufgezeichnet von V. Porkka, A. Genetz, Y. Wichmann, M. Räsänen, T. Uotila, E. Itkonen. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2008. – xx + 924 S.

УДК 81'282

Е. В. Колосько, г. Санкт-Петербург

УСТАРЕВШАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Сводная диалектная и региональная лексикография; теория и практика», проект № 13-04-00148.

В статье рассматривается пример метафорической модели, получившей широкое распространение в русском языке. Это повлияло на развитие словообразовательной базы и семантической деривации данного метафорического переноса в русских народных говорах. Автор анализирует причины возникновения метафорического переноса наименования незаконнорожденного ребенка на слово, отрицательно оценивающее человека, и причины устаревания, а затем и полного исчезновения из повседневного обихода метафорической лексики, образованной по данной модели.

Ключевые слова: метафорическая модель, социальная оценка, диалектная лексика, семантическая мотивация, словообразовательная деривация.

OUTDATED METAPHORICAL MODEL IN THE RUSSIAN NATIONAL SUBDIALECTS. *The article describes an example of a metaphorical model that became widespread in the Russian language. It has influenced the development of the derivational bases and the semantic derivation of this metaphorical transfer in the Russian national subdialects. The author analyzes the reasons of occurrence of metaphoric transfer of the name of an illegitimate child on the word that negatively evaluates a person, and discusses the causes of obsolescence and then the complete disappearance of the everyday use of the metaphorical vocabulary formed after this model.*

Keywords: metaphorical model, social evaluation, dialect vocabulary, semantic motivation, word-formation derivation.

Изучение метафорических моделей ЧЕЛОВЕК → ЧЕЛОВЕК и ПРЕДМЕТ → ЧЕЛОВЕК в отличие от моделей ЖИВОТНОЕ → ЧЕЛОВЕК необходимо рассматривать в диахронии с одновременным изучением культуры народа, изменений в его общественном устройстве. Х. Касарес в середине прошлого века писал: «Очень любопытно могло бы быть исследование того, какие духовные тенденции и социальные условия влияют на создание системы образов» [Касарес 1958, 124]. Художественная метафора основана на общенародной языковой метафоре, корни которой уходят в среду народной устной речи. Языковая метафора, характеризующая человека, как правило, отражает коллективные представления данного общества о стандартах физического и психического развития, о нравственных нормах поведения. Эмоционально-оценочное слово выражает, с одной стороны, индивидуальную оценку поведения говорящего, внешнего вида, интеллектуальных способностей окружающих его людей. С другой стороны, метафора отражает общепринятое мнение, что подтверждается выбором наиболее частотных характеристик тех или иных качеств людей (болезненный, ленивый, глупый, злой). «Социальная оценка, особенностью формирования которой является характер общепринятых договоренностей, влияет не только на маркировку определенных качеств человека, но и на выбор лексических средств» [Колосько 2008, 40].

В русском языке существуют лексико-семантические группы метафор, развитие которых тесно зависит от культурных особенностей и приоритетов общества. Наиболее ярко отражается влияние общепринятых норм общения на образование переносных